

ГЛАВА VI.

Учрежденіе Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Цесаревича полка.

Страхъ поляковъ за судьбы Польши.—Возращеніе на родину польскихъ легионовъ.—Цесаревичъ остается въ Варшавѣ.—Вступленіе въ Варшаву русскаго гвардейскаго отряда.—Приказъ Барклай-де-Толли.—Разманистый характеръ русскихъ офицеровъ.—Русскіе и Польскіе пириества.—Первыя разочарованія.—Предостереженіе В. С. Ланскаго.—Формированіе польской арміи, литовскаго корпуса, русскаго отряда и Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Цесаревича полка.—Новая форма.—Серебряныя трубы и Георгіевскіе штандарты.

Поруганіе раззоренной Москвы отомщено было великодушіемъ Александра въ сохраненныхъ стѣнахъ Парижа. Русскія войска, эти «сѣверные варвары»—освободивъ безсильную и поработченную Европу, съ торжествомъ возвращались, покрытыя славой, въ предѣлы далекаго отечества, межъ тѣмъ какъ представители цивилизованныхъ державъ посѣщали въ Вѣну, на великій конгрессъ, гдѣ должно было рѣшаться будущее устройство и взаимныя отношенія умиротворенной Европы и гдѣ ея географической картѣ предстояло подвергнуться весьма существеннымъ измѣненіямъ. Императоръ Александръ, занявшій теперь первенствующую роль и потому окруженный тайною завистью спасенныхъ имъ правительствъ, прежде всего позаботился о судьбѣ поляковъ. Еще въ 1813 году, при занятіи герцогства Варшавскаго, великодушный Государь, забывая зло, нанесенное поляками

Россіи, выказалъ имъ полное свое благожелательство. Въмѣсто того, чтобы ввести военное положеніе, какъ это обыкновенно дѣлали въ подобныхъ случаяхъ французы, Онъ безъ всякихъ перемѣнъ оставилъ въ Польшѣ все ея административное и земское устройство, ненарушимо сохранивъ за нимъ всю его власть и—мало того!—принялъ еще на себя всѣ расходы по управленію герцогствомъ Варшавскимъ. Союзникамъ нашимъ, относительно этого герцогства, болѣе всего былъ желателенъ новый раздѣлъ его между тремя сосѣдними державами, на томъ основаніи, что созданное Наполеономъ, оно постоянно служило ему главнымъ и покорнымъ орудіемъ всѣхъ его завоевательныхъ плановъ на Сѣверѣ. Узнавъ объ этихъ намѣреніяхъ, поляки употребили всѣ усилія для предотвращенія грозившей имъ будущности. Съ этою цѣлью, всѣ воеводства герцогства повергли къ стопамъ Императора Александра свое единодушное желаніе и мольбу принять ихъ соединенными подъ его скипетръ. «Императоръ, говорили они:—можетъ управлять нами впредь по своему желанію, мы же только просимъ, чтобы Онъ не допустилъ насъ подпасть подъ владычество нѣмцевъ, потому что поляки составляютъ одно племя съ русскими» ¹⁾. Не давая до окончанія войны никакихъ обѣщаній, Императоръ Александръ, по заключеніи мира, очень ласково принялъ въ Парижѣ депутацію отъ Наполеоновскихъ польскихъ легионовъ и старался успокоить ее относительно будущаго. «Польская армія» сказалъ Онъ:—«сохранить свое прежнее устройство» и указывая на бывшаго при семъ Цесаревича Константина, прибавилъ:—«командовать ею будетъ родной братъ мой».

Съ открытіемъ Вѣнскаго конгресса, рѣшеніе судьбы поляковъ явилось однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Представители европейскихъ державъ соглашались скорѣе подѣлить всю Польшу

---

¹⁾ Ф. Смитъ «Исторія Польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг.» ч. I, гл. I, стр. 6.

шу вторично, чѣмъ видѣть ее возстановленною подѣ вліяніемъ Россіи. Но Императоръ Александръ твердо сопротивлялся этимъ настояніямъ: Онъ стоялъ тогда единственнымъ защитникомъ польскаго дѣла. . . .

Межъ тѣмъ поляки, въ уныломъ и боязливомъ настроеніи духа, ожидали рѣшенія участи своего отечества и, жадно прислушиваясь ко всякимъ извѣстіямъ, сплетнямъ и слухамъ, всю свою надежду основывали единственно на великодушіи Александра.

Однимъ изъ первыхъ радостныхъ и при томъ *положительныхъ* извѣстій въ этомъ отношеніи былъ для нихъ приказъ генераль-фельдмаршала графа Барклая-де-Толли, отданный по арміи, въ которомъ оповѣщалось, что «корпусъ войскъ польскихъ, предавшихся совершенно во власть и покровительство Августѣйшаго Государя Императора нашего, имѣеть на сихъ дняхъ, по Высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію, вступить въ г. Варшаву». Объявляя объ этомъ по арміи, Барклая-де-Толли поручалъ корпуснымъ и другимъ частнымъ начальникамъ «внушить всѣмъ подчиненнымъ ихъ о дружественномъ обращеніи съ сими войсками» ¹⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ приказомъ, и полякамъ, и русской арміи стало извѣстно, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ останется въ Варшавѣ на постоянное жительство. Для Его Высочества принялись отдѣлывать особый дворецъ такъ называемый Брюлевскій палацъ ²⁾. Городъ готовился къ торжественной встрѣчѣ. Вмѣстѣ съ Цесаревичемъ, въ видѣ его почетной гвардіи, должны были вступить въ Варшаву нѣкоторыя части русскихъ гвардейскихъ полковъ, преимущественно тѣхъ, гдѣ Его Высочество числился шефомъ. Это были баталіонъ Литов-

---

¹⁾ Приказъ по арміи отъ 18-го августа 1814 г. за № 161, въ Варшавѣ.

²⁾ Въ 20-хъ годахъ былъ отстроенъ новый дворецъ, расположенный на краю города, въ южной его части, среди прекраснѣйшей мѣстности, названный Бельведеромъ и служившій потомъ постояннымъ помѣщеніемъ Цесаревича.

скаго, баталіонъ Финляндскаго, дивизионъ Уланскаго полковъ и полубатарея гвардейской конной артиллеріи. Высочайшій приказъ объ отдѣленіи дивизиона засталъ Лейбъ-Гвардіи Уланскіи полкъ на походѣ изъ Парижа въ отечество, въ мѣстечкѣ Шнейде-Мюлле. Эскадроны: Его Высочества и 2-й ¹⁾ немедленно же отдѣлились отъ полка и, подъ командою полковника Заборинскаго 2-го, выступили въ Варшаву.

17-го сентября назначено было парадное вступленіе гвардейскаго отряда въ столицу Польши, подъ командою самого Цесаревича. За нѣсколько дней предъ симъ, части этого отряда прибыли въ окрестности Варшавы и расположились по деревнямъ. Его Высочество хотѣлъ показать свою гвардію во всемъ блескѣ военнаго щегольства. Людямъ дано было нѣсколько дней на изготовку ²⁾. Въ назначенный день, къ одиннадцати часамъ утра лейбъ-уланскіе эскадроны, въ составѣ 20-ти рядовъ во взводѣ, выстроились на шоссе передъ Вольскою заставой, вмѣстѣ съ остальными частями отряда. Сюда прибылъ къ нимъ Цесаревичъ и съ музыкою повелъ въ городъ, гдѣ отрядъ проходилъ церемоніальнымъ маршемъ предъ генералъ-фельдмаршаломъ Барклай-де-Толли, который въ тотъ же день отдалъ этимъ воинскимъ частямъ полную похвалу въ особомъ приказѣ по арміи. «Бывъ очевидцемъ, писалъ Барклай: — и свидѣтелемъ той отличной храбрости и безпримѣрнаго мужества, съ какимъ сіи самыя войска, вмѣстѣ съ товарищами своими, сражались на полѣ чести и увѣковѣчили славу Государя и Отечества своего, и тѣхъ величайшихъ и долговременныхъ трудовъ, какіе они въ войнѣ переносить должны были, я не могъ не удивляться, что послѣ всего того, войска сіи возвращаются съ такою исправно-

---

¹⁾ Въ составѣ 1 штабъ, 15 оберъ, 32 унтеръ-офицеровъ, 6 трубачей и 236 рядовыхъ (Арх. Л.-Г. Ул. п. Приказы по полку 1814 г. Журн. вход. и исход. бумагъ за 1814 и 1815 г.).

²⁾ Записки полковн. Кривцова къ полк. Заборинскому (Арх. Л.-Г. Ул. Его Вел. и ч. п. Журн. вход. бумагъ 1814 г. Кн. № 428).

стию и устройствомъ во всѣхъ генерально частяхъ, которыя превзошли всякое мое чаяніе и ожиданіе. Бодрость и веселый видъ людей доказываютъ наилучшее попеченіе объ нихъ ихъ начальниковъ; чистота и единообразіе въ одѣяніи, въ оружіи и въ ружейной аммуниціи, и содержаніе лошадей въ хорошемъ тѣлѣ удостоверяютъ въ строгомъ наблюденіи порядка службы. Вмѣняя въ особую честь командовать столь отличными войсками, пріятнымъ поставляю долгомъ изъявить истинную благодарность мою баталіоннымъ и эскадроннымъ начальникамъ и всѣмъ гг. офицерамъ за рѣдкое и примѣрное усердіе ихъ къ службѣ» ¹⁾).

Такими словами заключалъ генераль-фельдмаршалъ свой похвальный отзывъ о гвардейскомъ отрядѣ.

Гвардія Цесаревича расположилась въ самомъ городѣ. Лейбъ-Уланскій дивизионъ зимовалъ въ Мировскихъ казармахъ ²⁾).

По воспоминаніямъ современниковъ, это было самое веселое и цвѣтущее время Варшавы, которая представлялась имъ «какою-то счастливою Аркадіей, тихимъ пристанищемъ послѣ продолжительной боевой и трудной жизни» ³⁾. Умѣренный климатъ, дешевизна, удобства жизни и веселое общество — все это дѣлало службу въ Варшавѣ чрезвычайно привлекательною для русскихъ офицеровъ, духъ которыхъ какъ нельзя болѣе совпадалъ съ наклонностями и привычками варшавской жизни, ибо разгулъ, торжества, пиры, вино и карты составляли отличительныя черты нашей военной молодежи того времени. По замѣчанію одного изъ современниковъ ⁴⁾, русскіе офицеры вели себя въ Варшавѣ

---

¹⁾ Приказъ по арміи отъ 17-го сентября 1814 г. за № 186, въ Варшавѣ. (Архивъ Штаба войскъ гвардіи и Петерб. Округа, кн. № 6).

²⁾ Эти казармы были занимаемы уланами до весны 1816 года, когда дивизионъ выведенъ былъ въ ближайшія въ Варшавѣ деревни, по дорогѣ въ Пулавы, по случаю назначенія Мировскихъ казармъ для Гвардейскаго Польскаго Конно-Егерскаго дивизиона. (В. Матвѣевъ, «Лейбъ-Гвардіи Уланскій Его Величества полкъ». Изд. 1860 г. стр. 3).

³⁾ «Воспоминанія» кн. в. полкакова. («Р. Старина» 1873 г. кн. IV, стр. 125).
⁴⁾ Н. Глинки. «Письма русскаго офицера». Изд. 1870 г. стр. 90.

«какъ самые благородные рыцари Баярдова времени»; въ особенноти щедрость ихъ была изумительна. Деньги сышались безъ счету. Сидятъ они, напримѣръ, въ какомъ-нибудь изъ лучшихъ трактировъ, а лучшими почитались тогда Виленскій, Гамбургскій, Англійскій и Дрезденскій — вдругъ приходитъ бѣдный старикъ съ дочерью: онъ играетъ на скрипкѣ, она на арфѣ; сыграла, проигла нѣсколько арій и—глядишь—куча серебра очутилась предъ нею. Приходитъ бѣдная монахиня-шаритка, одна изъ сестеръ милосердія — просить, чтобъ ей заказали какую-нибудь работу—и одинъ ротмистръ даетъ ей тутъ же тысячу рублей и велитъ сшить себѣ... три манишки! Поляки дивились русскимъ офицерамъ, воображая, что все они громадные богачи, тогда какъ напротивъ, большая часть изъ нихъ были вовсе не богаты, а только тароваты на удалую, привыкнувъ ставить ребромъ и жизнь, и послѣднюю копѣйку ¹⁾). Дворянство польское, въ виду неувѣренности относительно намѣреній Императора Александра, старалось заискивать въ расположеніи русскихъ, и ничего не щадило для достиженія этой цѣли. Знатнѣйшіе магнаты снѣжили открывать свои богатые «палацы» для принятія новыхъ гостей. Смирня въ себѣ чувство вражды, старались они потонить его въ роскошныхъ пирахъ, гдѣ испивалось полными чашами вино за братское соединеніе двухъ славянскихъ племенъ и вѣчную ихъ дружбу. Богъ-вѣсть, на сколько все это было искренно, но только наши русскіе вѣрили имъ вполне и, не желая оставаться въ долгу у польскаго гостепрѣимства, кто какъ могъ, отплачивали полякамъ тѣмъ же—и здѣсь-то высказывалась вся широкая русская натура. Варшава заликовала, загремѣла музыкою, празднествами, увеселеніями. «Никогда еще не было выпито столько вина какъ въ эту эпоху», замѣчаетъ современникъ ²⁾). Въ особенноти отличались широтою и радушіемъ пиры и сходки у бывшаго командира лейбъ-уланъ генерала отъ

¹⁾ Ibid. стр. 91.

²⁾ Колзаковъ, стр. 425.

кавалеріи барона Меллеръ-Закомельскаго. Одинъ изъ его «банкетовъ» закончился, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: послѣ изобильнаго обѣда и игры въ «фараонъ», гдѣ столы засыпаны были золотомъ, радушный хозяинъ около полуночи велѣлъ приготовить у себя во дворѣ шестьдесятъ саней, въ которыя стали рассаживать большую часть гостей по-одиночкѣ, и къ каждому изъ нихъ сажали по музыканту, вмѣнивъ ему въ непремѣнную обязанность во всю дорогу играть что хочетъ на своемъ инструментѣ. Во главѣ этой своеобразной процессіи везли огромный транспарантъ съ приличными изображеніями и надписями, и вся вереница саней тянулась въ теченіи полутора часа по Новому Свѣту и другимъ главнымъ улицамъ.

Варшава представляла въ ту эпоху самый оживленный видъ: городъ обстраивался, украшался; эмигранты польскіе, получивъ широкую амнистію, толпами возвращались въ свои дома и помѣстья; увеселенія и празднества становились все чаще и чаще; русская военная молодежь дружилась съ польскою, и духъ прежней вражды, казалось, уже исчезаетъ понемногу; польскія красавицы переставали коситься на «москалей», и наши уланы въ угодность имъ заговорили по-польски, ломая свой благозвучный языкъ на ихъ нишящее нарѣчіе. Казалось, все идетъ, какъ нельзя лучше, — свобода, слияніе, дружба и братство—и вотъ, въ довершеніе всего, 12-го (24-го) декабря, въ день рожденія Императора Александра, новая конституція была обнародована въ Польнѣ. Русскіи военный кружокъ былъ въ полномъ убѣжденіи, что этотъ великодушный актъ Императорской милости къ нашимъ недавнимъ закоренѣлымъ врагамъ, окончательно закрѣпитъ между ими и нами честныя братскія узы, какъ вдругъ, непосредственно велѣдъ за обнародованіемъ конституціи стали замѣчать наши офицеры какос-то недовольство и какъ будто охлажденіе къ себѣ со стороны поляковъ. Не имѣя права надѣяться ни на что, и неожиданно получивъ гораздо болѣе того, о чемъ еще столь недавно едва дерзали робко меч-

тать,—поляки вдругъ перестали обращать вниманіе на милостивый даръ ихъ великодушнаго побѣдителя. Помня только то, чего не удалось получить имъ (т. е. полнаго возстановленія въ границахъ 1772 года), они стали роптать и утверждать, что Государь далъ имъ конституцію, съ тайною мыслью никогда не выполнять ее. При этомъ нисколько не принималось ими въ соображеніе простое логическое возраженіе русскихъ, которые говорили имъ, что если бы виды Императора дѣйствительно были таковы, то Онъ могъ бы и вовсе не давать никакой конституціи.

Великодушный Монархъ очень хорошо зналъ объ этомъ клеветническомъ ропотѣ, но наперекоръ фактамъ, не желая разочаровываться въ полякахъ, относилъ всѣ подобныя проявленія къ ничтожному меньшинству, которое никогда, ни гдѣ и ни чѣмъ не бываетъ довольно.

Онъ искренно хотѣлъ осчастливить народъ польскій и потому, руководствуясь желаніями и чувствами польской интеллигенціи, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Варшавѣ, т. е. поставилъ во главѣ правленія, не Цесаревича Константина, а заклятаго, стараго врага Россіи и ревностнаго республиканца прежнихъ дней, генерала Заіончека. Этотъ послѣдній не замедлилъ составить все управленіе по гражданской части изъ людей, завѣдомо принадлежавшихъ къ партіи самой враждебной для Россіи. Великій Князь Константинъ Павловичъ, вопреки желаніямъ и надеждамъ какъ мѣстнаго русскаго кружка, такъ и вообще русскихъ людей, въ силу настояній Чарторыйскаго и лицъ его партіи, не принялъ никакого участія въ управленіи Царствомъ и скромно ограничился только ролью главнокомандующаго польскою арміею.

Русскій отрядъ, въ началѣ 1813 года, ожидалъ было возвращенія въ отечество, но бѣгство Наполеона съ острова Ельбы и триумфальное появленіе его вновь во Франціи рѣшило дѣло иначе. Послѣ пятимѣсячнаго похода, вызваннаго этимъ неожидан-

*

нымъ событіемъ, войска, на обратномъ пути, проходили Польшу, и гвардейскій отрядъ, въ томъ же составѣ, оставленъ былъ на постоянныхъ квартирахъ въ Варшавѣ, при особѣ Цесаревича. Служившіе тогда помнятъ еще, какъ сильно затуманились они при этомъ распоряженіи. Хотя и лестно было остаться при начальникѣ, имя котораго отмѣтилось въ недавнихъ военныхъ событіяхъ; хотя и утѣшительно было служить на глазахъ того, кто усвоивъ себѣ военную жизнь и служа при мѣромъ самоотверженія, могъ такъ близко и вѣрно отличить неліце мѣрное усердіе русскаго войска; къ тому же и стоянка въ Варшавѣ обѣщала свои удовольствія и удобства; — но многіе изъ офицеровъ были уроженцами Петербурга и коренныхъ русскихъ провинцій, гдѣ имѣли родныхъ и состоянія; ихъ тянуло на родину... Однако, съ теченіемъ времени, тоска по родному краю мало-по-малу умѣрилась и, наконецъ, излечилась при мысли, что русскіе гвардейцы остаются здѣсь на стражѣ, впереди другихъ, и первые, въ случаѣ войны, могутъ сойтись съ неприятелемъ ¹⁾).

При откомандированіи 1-го дивизіона лейбъ-уланъ, командиромъ его, какъ сказано уже, былъ полковникъ Заборинскій; начальникомъ же гвардейскаго варшавскаго отряда вскорѣ назначенъ былъ генералъ-маіоръ Веревкинъ, а командующимъ гвардейскою кавалеріей съ конною полубатареей сдѣланъ генералъ-маіоръ Альбрехтъ.

Въ 1815 же году приступлено было къ формированію польской арміи и литовскаго корпуса, на что не безъ опасеній за будущее глядѣли русскіе люди.

Такъ напримѣръ, предсѣдатель временнаго управленія герцогства Варшавскаго, В. С. Данской, извѣщая Государя, что манифестъ о созданіи Царства Польскаго «не произвелъ такого вліянія, какого ожидать бы можно отъ народа болѣе чувстви-

---

¹⁾ В. Матвѣевъ, «Л.-Г. Уланскій Его Величества полкъ» Спб. 1860, стр. 4.

тельнаго» и что «объявленіе титула Короля и увѣреніе въ будущемъ конституційномъ правленіи принимаются не за милость, но за опасеніе послѣдствій отъ бѣглеца изъ Эльбы» ¹⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ съ полною и благородною откровенностію свой взглядъ на идею о созданіи особаго польскаго войска. «Все благосердіе Твое, говорилъ онъ Монарху:—и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой». В. С. Ланской заключалъ свое письмо подтвержденіемъ, что намъ «ни въ какомъ случаѣ считать (разсчитывать) на поляковъ не можно» ²⁾.

Тѣмъ не менѣе, Государь желалъ остаться вѣрнымъ своему великодушному обѣщанію, и формированіе продолжалось. Русскіе полки, поступившіе въ составъ литовскаго корпуса, носили по преимуществу названія по городамъ западнаго края; уроженцы этого края, какъ офицеры, такъ и солдаты, нарочно переводились изъ всѣхъ частей нашей арміи на службу въ литовскій корпусъ, который весь размѣщенъ былъ на постоянныхъ квартирахъ въ западныхъ губерніяхъ и по границѣ Царства Польскаго. Рекруты, набираемые въ районѣ западнаго края, точно также поступали на укомплектованіе этого корпуса. То же самое дѣлалось и по отношенію къ польской арміи, для которой кадрамъ послужили боевые польскіе легіоны, отдавшіеся милосердію Императора Александра во Франціи. Вмѣстѣ съ этими мѣрами, и варшавскій отрядъ русской гвардіи начиналъ все болѣе и болѣе принимать литовско-польскую окраску. Такъ, въ 1817 году, въ пріѣздъ Цесаревича въ Петербургъ, изъ всѣхъ

¹⁾ Писано еще до Ватерлооскаго сраженія.

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо В. С. Ланского къ Императору Александру I, отъ 4-го мая 1815 г. («Р. Арх.» 1863 г. изд. 2-е, стр. 839)

полковъ и батареи гвардіи были имъ выбраны уроженцы западнаго края и въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправлены въ Варшаву на укомплектованіе гвардейскаго отряда ¹⁾. Точно такой же выборъ произведенъ Цесаревичемъ и между офицерами гвардейскихъ полковъ ²⁾, и между выпускными воспитанниками кадетскихъ корпусовъ ³⁾, да кромѣ того обѣ армейскія кирасирскія дивизіи и нѣкоторые изъ легко-кавалерійскихъ полковъ отдали всѣхъ своихъ литвиновъ, на пополненіе кавалерійскихъ частей гвардейскаго отряда ⁴⁾. Въ то же время множество лицъ польской и литовской шляхты и обывателей поступало въ варшавскіе русскіе полки на правахъ вольноопредѣляющихся. Наконецъ, нижніе чины, отправленные, по выздоровленіи, изъ заграничныхъ *госпиталей*, при слѣдованіи чрезъ Варшаву, были представляемы Цесаревичу, и Его Высочество дѣлалъ лично выборъ изъ нихъ, оставляя у себя преимущественно уроженцевъ западнаго края ⁵⁾. Русскіе офицеры варшавскаго отряда отправлены были въ качествѣ инструкторовъ въ польскіе полки и обязаны были обучать ихъ сообразно требованіямъ русскаго устава. Такъ, для обученія польскихъ уланскихъ полковъ, отъ нашихъ уланъ, по выбору Цесаревича, отправлены были: полковникъ Заборинскій, штабсъ-ротмистръ Крыловъ, корнеты: Марковичъ, баронъ Франкъ и Бычковъ, да кромѣ того съ каждаго эскадрона по два унтеръ-офицера и по два рядовыхъ, особенно ловкихъ, толковыхъ и знающихъ дѣло ⁶⁾. Полковникъ Герштенцвейгъ, въ городѣ Ленчицѣ, формировалъ конныя польскія батареи ⁷⁾.

1) Приказы по гвардейскому корпусу 1817 г. за №№ 288, 291, 298, 316.

2) Приказъ по гвард. корп. 1817 г. № 288.

3) «Воспоминанія» М. К. Максимовича.

4) Приказы по гвардейскому кавалерійскому отряду въ Варшавѣ за 1816 и 1817 годы, и приказъ по полку отъ 17-го января 1818 г. § 3.

5) В. Матвѣевъ, стр. 5.

6) Приказъ по полку отъ 4-го января 1818 г. § 2.

7) Рапортъ Герштенцвейга ген.-м. Альбрехту отъ 5-го мая 1817 г. за № 193.

Въ это же время при лейбъ-уланскихъ эскадронахъ учреждена была школа верховой ѣзды, «для усовершенствованія людей въ семь искусствѣ, введенія единообразной посадки и постоянныхъ правилъ обученія во всей кавалеріи» ¹⁾. Варшавская школа основана одновременно съ подобною же въ Петербургѣ, и Государь Императоръ повелѣлъ, чтобы люди 2-й и 3-й уланскихъ и обѣихъ конно-егерскихъ дивизій, въ составѣ одного штабъ-офицера отъ дивизіи, одного оберъ и двухъ унтеръ-офицеровъ отъ каждаго полка, ежегодно направляемы были въ варшавскую школу, которую Цесаревичъ отдалъ въ вѣденіе генерала Альбрехта. Лейбъ-уланы обязаны были постоянно давать имъ для ученій своихъ лошадей, и при томъ самыхъ лучшихъ, что составляло неизмѣнный предметъ огорченія для эскадронныхъ командировъ ²⁾.

Съ прибытіемъ лошадей, закупленныхъ особо-командированнымъ офицеромъ, и людей, переведенныхъ изъ гвардейской и армейской кавалеріи, лейбъ-уланскіи дивизионъ, 20-го марта 1817 г., раздѣленъ былъ на четыре эскадрона, съ назначеніемъ въ каждый эскадронныхъ и взводныхъ командировъ, а также полного комплекта унтеръ-офицеровъ ³⁾.

Къ сему времени все уже подготовлялось къ тому, чтобы изъ этихъ эскадроновъ образовать отдѣльный полкъ. Въ мастерскихъ и швальняхъ готовилось новое обмундированіе, по рисункамъ формъ, которые заказывалъ Цесаревичъ въ Петербургѣ знаменитому военному жапристу того времени, художнику Орлов-

---

¹⁾ Именное предписаніе генералъ-инспектора кавалеріи, Цесаревича Константина, генералъ-майору Альбрехту, отъ 24-го января 1817 г. за № 278.

²⁾ Приказъ по полку отъ 2-го января 1818 г. § 2.

³⁾ Приказъ генералъ-майора Альбрехта отъ 18-го марта и рапортъ ему полковника Заборинскаго, отъ 20-го марта 1817 г., за № 35-мъ и полковника Глазенапа 2-го, за № 37-мъ. (Полк. арх., журн. вход. и исход. бумагъ, кн. № 541.)

скому ⁴⁾). Сукно на постройку обмундирования выдано было тонкое, английское. Мундиръ оставленъ прежній, только желтый приборъ замѣненъ бѣлымъ, и эполеты даны изъ бѣлаго гаруса, съ густою невисячею бахрамою; синія шапки прежняго образца замѣнены желтыми, по формѣ полковъ литовской уланской дивизіи, съ бѣлымъ же приборомъ и съ изображеніемъ въ щитѣ гербоваго орла, вмѣсто Св. Георгія, — литовскаго всадника — «погоня». Помпоны къ шапкамъ даны были тоже бѣлые, цилиндрически-пирамидальной формы, вышиною около четверти аршина; фуражки синія съ краснымъ околышемъ и выпушкою; пики на черныхъ древкахъ и флюгера къ нимъ китайчатые, которые имѣли верхнюю половину желтаго цвѣта съ узкою красною внизу полоскою, а низъ красный съ желтою сверху полоскою. Пистолеты, сабли, темляки и португез гусарскаго образца. Лядунка изъ черной лакированной кожи, съ такимъ же гербомъ, какъ у гвардейскихъ кирасиръ и драгунъ, на бѣлой кожаной перевязи, и съ выбѣленнымъ ремешкомъ для пистолетнаго шомпола. Къ парадной формѣ полагались чакчиры изъ синяго сукна, по цвѣту мундира, съ лампасами и выпушкою алыми и съ кожаными, нашивными подъ лампасъ, крагами, которыя имѣли разрѣзъ на подъемъ ноги; для походной же и домашней формы даны были, подшитыя кожею въ шагу, рейтузы изъ сѣраго сукна, съ красными лампасами. Мундиры трубачей украшались нашивками изъ желтаго шерстянаго басона, которыя располагались вдоль и поперекъ рукавовъ; на лацканахъ, на боковыхъ швахъ спинки, по фалдамъ, обшлагамъ и боковымъ крыльцамъ. Лядунокъ трубачи не носили; замѣнитъ того имъ полагалось имѣть при каждой ольстрединѣ по шести гнѣздъ для пистолетныхъ патроновъ. Офицерамъ же, при одинаковомъ покроѣ обмундирования, даны были шитыя серебромъ петлицы на воротникѣ и обшлагахъ; чакчиры и рейтузы безъ кожи; репейки и

⁴⁾ См. письма Цесаревича Константина къ Опочинину. «Русская Старина», 1873 г. кн. VII, стр. 437.

помпоны изъ серебряной бити; по ремнямъ португел п ляду-ночной перевязи—серебряный галунъ, съ серебрянымъ металлическимъ приборомъ; темлякъ и шарфъ, какъ въ прочей кавалеріи; синій вальтрапъ украшался шитыми серебряными вензелями и такимъ же галуномъ, наложеннымъ по краямъ красной выкладки; у нижнихъ же чиновъ вензеля и короны на вальтрапахъ были сдѣланы изъ алаго сукна и обшиты чернымъ суркомъ, а на аломъ лампасѣ въ два ряда шла оторочка изъ бѣлаго басона. Чемоданъ былъ сѣрый. Что же касается лошадей, то опредѣленной масти для нихъ не полагалось; требовалось только чтобы ростъ лошади былъ не ниже двухъ аршинъ и не выше двухъ аршинъ съ двумя вершками.

Подъ трубачей и адъютантовъ шли лошади самыхъ фантастическихъ мастей: пѣгя и чалыя, буланья и соловья; но эскадроны старались пополняться, по возможности, одномастными конями. Такимъ образомъ, 1-й дивизионъ ѣздилъ у насъ на гнѣдыхъ, 3-й эскадронъ на рыжихъ, а 4-й на вороныхъ. Цесаревичъ не жаловалъ только бурыхъ лошадей и всегда велѣлъ ихъ прятать куда нибудь подалеже, въ заднюю шеренгу, чтобы въ глаза не попадались ¹⁾).

Спустя семь мѣсяцевъ послѣ раздѣленія лейбъ-уланскаго дивизиона на четыре эскадрона, Цесаревичъ повелѣлъ называться имъ «Лейбъ-Гвардіи Уланскимъ Литовскаго корпуса полкомъ» ²⁾; но названіе это сохранялось недолго, да и въ Петербургѣ официально оно не было принято.

Въ 7-й день декабря 1817 года послѣдовалъ Высочайшій приказъ, въ силу котораго варшавскіе уланскіе эскадроны названы «Лейбъ-Гвардіи Уланскимъ Его Императорскаго Высоче-

---

¹⁾ Приказы по полку отъ 17 и 18-го января 1818 г. §§ 4 и 6.

²⁾ Приказъ по полку отъ 24-го октября 1817 г. § 4. Точно также и Кираспрскому (впослѣдствіи А.-Г. Подольскому) полку, формировавшемуся въ то время, велѣно было называться «Лейбъ-Гвардіи Кираспрскимъ Литовскаго корпуса полкомъ». (Ibid.).

ства Цесаревича Константина Павловича полкомъ»¹⁾, т. е. 1-й дивизионъ, удвоенный людьми западно-русскаго происхождения изъ другихъ гвардейскихъ и кавалерійскихъ частей, въ сущности, возвращенъ къ своему первобытному полковому названію 1803 года, съ добавленіемъ къ прежнему словечку «лейбъ» новаго слова «гвардіи». Вместе съ тѣмъ, новосформированнымъ полкамъ велѣно было взять старшинство подъ тѣми частями, которыя дали имъ начало²⁾. Командиромъ уланъ Цесаревича назначенъ генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Альбрехтъ. Высочайшій приказъ доставленъ былъ въ Варшаву 14-го декабря, и на слѣдующій день (15-го) лейбъ-уланъ Цесаревича уже въ новой формѣ парадировали на разводѣ предъ своимъ Августѣйшимъ Шефомъ.

1-го февраля 1818 года въ Варшаву доставлены были отъ военнаго министра серебряныя трубы (числомъ 22) Всемилостивѣйше пожалованныя полку Государемъ Императоромъ. На этихъ трубахъ находится изображеніе Георгіевскаго креста и надпись: «*Лейбъ-Гвардіи Уланскому Его Императорскаго Высочества полку за отличные подвиги, оказанные въ достопамятную кампанію, благополучно оконченную въ 1814 году*»³⁾.

¹⁾ Приказъ по гвардейскому корпусу отъ 13-го декабря 1817 г. за № 421.

²⁾ Приказъ Цесаревича отъ 14-го декабря 1817 г. за № 28.

³⁾ Предписаніе Цесаревича г.-м. Альбрехту отъ 1-го января 1818 г. за № 470 (Полк. Арх. Журн. вход. б. кн. № 221, ч. I).

Своевременная выдача Высочайшей грамоты на эти трубы почему-то замедлилась, и уже только въ 1826 г. Императоръ Николай Павловичъ, Всемилостивѣйше пожаловавъ полку грамоту нижеслѣдующаго содержанія:

Божіею милостию
Мы, Николай Первый,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
и пр., и пр., и пр.,

Нашему Лейбъ-Гвардіи Уланскому Его Императорскаго Высочества Цесаревича полку.

По сформированіи полка сего изъ эскадроновъ Лейбъ-Гвардіи Уланскаго,

Въ полку однако не было своего музыкальнаго хора, которымъ мы обзавелись только къ осени 18-го года.

Въ настоящее время, когда наши гвардейскіе полки пользуются прекрасно организованными полковыми оркестрами, читателю, вѣроятно, не безынтересно будетъ познакомиться съ составомъ кавалерійскаго хора того времени. Въ этотъ составъ входили 25 нижеслѣдующихъ музыкальныхъ инструментовъ, общая стоимость которыхъ равнялась, по тогдашнимъ цѣнамъ, 1,270 рублямъ: два фагота, четыре волторны, четыре кларнета, четыре флейты, двѣ трубы, большой барабанъ (турецкій), барабанъ малый, одинъ контръ-фаготъ, одинъ тромбонъ, два чекана, металлическій треугольникъ, металлическія тарелки и бубень ¹⁾.

Подъ звуки этого хора полкъ проходилъ церемоналомъ въ конномъ строю на парадѣ 24-го февраля 1819 года, по случаю освященія вновь-пожалованныхъ полку Георгіевскихъ штандартовъ, съ надписью: *«За отличіе при пораженіи и изнаніи неприятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года»*. Въ строй были выведены всѣ русскіе варшавскіе полки, предъ которыми православное духовенство на площади торжественно отправляло обрядъ освященія знаменъ и штандартовъ, собранныхъ у анаоя. Предъ каждымъ изъ полковъ командиромъ онаго громогласно была прочитана Высочайшая грамота, и за тѣмъ воинскіе стяги, при звукахъ музыки и непрерывномъ «ура!» были отнесены въ

участвовавшаго въ минувшей достопамятной кампаніи 1812 года, пожалованный сему полку въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ серебряныя трубы, съ изображеніемъ ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, повелѣваемъ употреблять на службу Намъ и Отечеству.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Въ С.-Петербургѣ, марта 19-го дня 1826 года.

¹⁾ Отношеніе полка въ Варшавское Коммиссіонерство отъ 19-го августа 1818 года, за № 2719. (Полк. Арх. журн. вх. и исх. б. кн. № 221, ч. I).

ряды. ¹⁾ Препровождая въ свой полкъ Высочайшую грамоту, Его Высочество въ особомъ рескриптѣ выражалъ надежду, что «сей знакъ Монаршаго благоволенія послужитъ вѣщимъ поощреніемъ къ службѣ Его Императорскаго Величества всѣхъ вообще и каждаго изъ чиновъ полка, дабы и впредь быть въ полной мѣрѣ достойными онаго» ²⁾.

---

¹⁾ Приказы по полку отъ 23 и 25-го февраля 1819 г. §§ 2.

Вотъ текстъ Высочайшей грамоты на Всемилостивѣйше пожалованные штандарты:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
Мы, Александръ Первый,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
и пр., и пр., и пр.

Нашему Лейбъ-Гвардіи Уланскому Его Императорскаго Высочества Цесаревича полку.

По сформированіи полка сего изъ эскадроновъ Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка, участвовавшаго въ достославной кампаніи 1812 года и пріобрѣтшаго за знаменитые его подвиги, храбрость и мужество штандарты съ изображеніемъ знака ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, признали Мы справедливымъ и сему полку пожаловать таковыя же штандарты, съ надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года».

Препровождая у сего оные, повелѣваемъ, сообразно съ воинскимъ уставомъ, освятить ихъ при прочтеніи предъ всѣмъ полкомъ сей грамоты и употребить на службу Намъ и Отечеству, съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, только Россійскому воинству свойственными.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Ахенъ, 24-го октября 1818 года.

²⁾ Рескриптъ Цесаревича Л.-Г. Уланскому имени Его Высочества полку отъ 7-го декабря 1817 года (Полк. арх. Журн. вх. и исх. б. кн. № 221, ч. I.).